

— О, Иван появился,— сказала невысокая худенькая женщина, сидевшая возле подъезда.— Не иначе за бутылкой потащился. Мужики только с виду крепкие, а на самом деле они—слабые. Быстро ломаются. Я понимаю его. Такое горе на него свалилось. Здесь здоровый мужик не выдержит, а ему тем более тяжело. Но всё равно нужно жить, сжать покрепче зубы и жить, а он... Эх, что говорить-то...

Не договорив, она нахмурилась, взглянула на него и махнула рукой.

Женщины, сидевшие рядом, кивая на соседа, наперебой стали о чём-то разговаривать.

— Да пошли вы...— привычно отмахнулся Иван, надвинул кепку на глаза и, выставив плечо вперёд, словно сквозь пургу пробивался, прошёл мимо них и буркнул, не оглядываясь:— Ты, ехидна, попридержала бы язык. Тоже мне, нашлась жалельщица. Понимает она...

— Не мой язык, а тебя нужно держать, чтобы окончательно с катушек не слетел,— она ткнула пальцем вслед.— Скажу дочери. Вот увидишь!

— Говори что хочешь, мне плевать,— сказал Иван.— Лучше сдохнуть, чем...

Он зашёлся в кашле, сплюнул и, сторбившись, уже не слушая соседей, направился к магазину.

...В новую пятиэтажку, стоящую на окраине города, Иван Воронин с семьёй перебрался одним из первых. Взглянешь на дом— на редких окнах занавески или тюль, а остальные ещё зияли пустотой. Пока таскали вещи, заметил, что в подъезде всего лишь две-три квартиры были заселены. Вскоре начнут переезжать, и оживёт двор, двери захлопают, разнесутся голоса ребятни, да изредка распахнётся окно и кто-нибудь крикнет, чтобы ребята бежали ужинать или обедать, а то начнут загонять спать. И они помчатся, чтобы завтра снова встретиться во дворе...

Иван частенько приходил сюда, когда строился дом. Подолгу бродил по квартирам, в которых ещё работали отделочники, осматривал квартиры, с рабочими советовался, выходил на балконы и оглядывался по сторонам, и уже тогда он знал, какая квартира ему приглянулась, но молчал, если жена спрашивала. Смеялся: какую выделяют, в той жить будем. А супруга его, Антонина, мечтала на первый или на второй этаж переехать, потому что до ужаса боялась высоты,

и уговаривала Ивана, чтобы тот поговорил с начальством: может, выделят квартиру пониже этажом. Иван обещал поговорить, а когда стали распределять квартиры, он выбил на пятом— последнем этаже. Сказал, что не любит, когда над головой топают, а ещё с балкона открываются чудные виды на холмы и юркую речушку, заросшую кустами, что вьюном кружилась между ними, и рыба в ней водилась, но мелкая— пескаррики там, окушки с ершами и вьюнки с верховками. А ещё неподалёку от них, за речкой, видна опушка леса, где полным-полно ягод и грибов, а от полевых цветов в глазах рябит, и он готов был спускаться и подниматься на последний этаж, чтобы вечерами сидеть на балконе, распивать чай и любоваться местными красотами. Эх, благодать-то какая! И стал просить квартиру на пятом этаже. Ивану пошли навстречу и выдали ордер на квартиру, о которой он мечтал...

Супруга его, Антонина, когда узнала, что дают квартиру на пятом этаже, готова была остаться в посёлке, где они проживали с дочкой и сыном. Но оставаться было нельзя, потому что бараки должны пойти под снос. И волей-неволей, но пришлось смириться, что Иван, обормот этакий, согласился на квартиру на пятом этаже, от которой умные люди всегда отказываются, потому что они живут не одним днём, а смотрят в будущее. И, высказав ему всё, что было на душе, она взялась укладывать вещи, готовясь к переезду, но предупредила, что ни в жизнь, ни ногой не ступит на балкон и к окну постарается не подходить, потому что у неё сразу же будет головокружение.

С переездом не затягивали. Это сейчас пожитков набралось бы не на одну машину, а в те времена— лишь самое необходимое: кровать, две раскладушки, стол и платяной шкаф— это увезли на грузовике, а остальную мебель, если требуется, решили взять в кредит. Иван с друзьями быстренько перетаскали немногочисленные вещи в квартиру. Рассовали по углам, на середину поставили стол, на него бутылку, простенькую закуску, выпили, закусили, покурили на балконе, где Иван тут же принялся хвастаться чудными видами, снова по рюмке пропустили, и дружки отправились по домам, оставив хозяев обживать новую квартиру.

Ивану не спалось в первую ночь. Супруга с ребятами заняли спальную комнату. Иван остался в зале. И всю ночь бродил по квартире. Заходил на кухню. Щёлкал выключателем, посматривая на тусклую лампочку. Наливал чай. Выглядывал в окно, на котором ещё не было занавесок. Открывал краны, прислушиваясь к шуму воды. Потом заходил в ванную и подолгу любовался бело-снежной ванной и тоже открывал воду, наблюдая, как брызги разлетались в разные стороны. Затем спускал воду в унитазе, присаживался на него, и сразу же вспоминалась общая уборная в бараке, особенно в зимнюю морозно-трескучую пору, а сейчас-то какая благодать наступила: хоть круглые сутки сиди — и не замёрзнешь. Он смотрел и радовался. Наконец-то у них появилась своя квартира. Нет, он не жаловался на жизнь. Наоборот, у него всё благополучно складывалось. Другим тяжелее пришлось, а он родился в городе и жил с родителями. Отслужив в армии, перебрался в соседний город. На завод устроился. Не захотел каждый день мотаться домой, хоть и были дежурные автобусы. Он попросил место в общежитии. Родители ругали его, что он надумал в общагу перебраться. А Иван посмеивался. Живут же люди, и он будет жить. Пора привыкать к самостоятельной жизни, он сказал. Собрал вещички и переехал в общежитие.

И началась самостоятельная жизнь. Где поел, где недоел, где голодным остался, то простирнуть забыл и ушёл на работу в грязной рубашке, то штаны порвал, а латать не умеет. Но жизнь всему научит. Потихонечку, но преодолевал все препятствия.

И с будущей женой познакомился здесь же, в этом самом общежитии, когда заманили его на собрание в красный уголок. Рядышком сидели. Друг на друга глядели искоса и взгляды отводили. У Ивана что-то внутри шевельнулось. Обожгло, аж дыхание перехватило. И Антонина взглянет — и щёки огнём полыхнули. Опять покосится — и снова краснеет. А после собрания Иван позвал её прогуляться. Она согласилась. С того вечера стали встречаться.

Про любовь не говорили. Слова — это ветер в поле, как смеялся Иван. И говорил, что главное — здесь, и стучал кулаком в грудь. Прижмёт к себе Антонину — и дыхание перехватывает. Возьмёт в свои ручищи её маленькие замёрзшие ладошки, подышит на них, согревая, и она радуется. Подарит простенькое колечко или серёжки, а она засмеётся, прижмётся к нему, взглянет на него, полыхнёт румянцем и тут же отскочит, смутившись. А у него дух захватывало, что угодил подарком. Много ль нужно для простого человеческого счастья? Да всего ничего! У каждого человека свой взгляд на счастье. А им малого хватало, чтобы быть счастливыми.

Вскоре свадьбу сыграли. Хотели квартиру снять, а тут Антонине выделили жилплощадь в бараке. Антонина сразу принялась наводить порядок в комнате, куда притащили старенькую односпальную кровать, наспех сделанный стол и этажерку — вот и всё хозяйство. Да ещё по мелочи — посуда там, стопочка книг и газет и две гераньки на подоконнике.

И началась семейная жизнь. Вернутся с работы, поужинают, а потом уходили гулять или сидели на лавке возле барака, словно голубки, и наговориться не могли. Каждый день — словно первый. Любому пустяку радовались. Соседи подшучивали: вроде живёте который месяц, а словно на первом свидании — насмотреться друг на друга не можете. Они смеялись: так и нужно жить друг для друга, радуясь каждому пустяку, каждой мелочи, — это и есть настоящее счастье.

Здесь же родилась старшая дочка. А потом, уже перед самым переездом в пятиэтажку, родился поздний, но очень долгожданный сыночек. И в семье было сразу две радости: квартиру получили, и сын родился. Перебрались в новую квартиру. Весь день крутились, расставляя вещи, раскладывая по местам, а ночью, когда жена с ребятами ушли в другую комнату, Иван долго не мог найти себе место. Всё казалось: сейчас грохочёт барачная дверь, и кто-нибудь затопает по скрипучим полам, или в какой-нибудь комнате загорланит подвыпивший сосед, а может, через стенку заплачет ребёнок, и его долго будут успокаивать, напевая колыбельные песни. А в новой квартире не жизнь, а благодать!

Иван жмурился от удовольствия, блуждая по квартире. Выходил на балкон. Облокотившись на перила, курил, поглядывая сверху на всполохи сварки на стройке, потому что строительство новых домов шло круглосуточно, чтобы всех нуждающихся обеспечить жильём. И обеспечивали. Люди не задумывались, как они будут жить, потому что у них вся жизнь была расписана на многие годы вперёд.

Иван стоял, поглядывал на голубые всполохи и на вереницы машин, что шумели под окнами. Прислушивался к редким разговорам, что доносились в ночной тьме. Ниже этажом кто-то засмеялся. Приглушённо взвизгнула женщина, не испугавшись, а весело, и вслед глухо хохотнул мужик. Окурочек прочертил огненную дугу в ночи и исчез. Они о чём-то заговорили вполголоса. Женщина отнекивалась, что-то шептала и отказывалась, а потом сдалась. И они зашли домой, захлопнув балконную дверь. Жизнь продолжается, а может, только начинается на новом месте, в новом доме. . .

Годы быстро летят — и не замечаешь.казалось, недавно переехали, всего несколько лет прошло с той поры, а гляди ж ты, старшая дочка замуж засобиралась. И жениха себе нашла аж

из Владивостока, словно поближе не было, но сердцу не прикажешь. Сыграли свадьбу, и молодые уехали, но обещали навещать. Пусть не так часто, как бы хотелось, но всё же без внимания не останутся.

Младший сын, последышек,— он был долгожданным, потому что супруга долго не могла забеременеть, что-то нашли у неё, и пришлось лечиться. Уж было отчаялись, что всего лишь одна дочка будет, а тут жена сюрприз преподнесла, сказала, что ждёт ребёнка. Иван готов был на руках её носить. Жили, радуясь каждой мелочи, каждому незначительному пустяку. Жена его, Антонина, умела углы сглаживать. Там словечко скажет, здесь по головке погладит, словно маленького, а тут прижмётся, а ночью жаром полыхнёт, и у Ивана не было причины с ней ругаться. Наоборот, он радовался, что у него такая жена. И сам старался отплатить такой же монетой. А много ль нужно для простого счастья? Да всего ничего— из двух половинок стать одним целым! Наверное, они стали, поэтому жили душа в душу.

Перед самым переездом на новую квартиру родился сын. Неизвестно, кто больше радовался— жена или Иван, но над сыном тряслись оба, пылинки сдували, шагу не давали ступить: а вдруг упадёт и поранится или ножку сломает? а вдруг?.. И этих «вдруг» и «если» было столько— хоть на улицу не выпускай. И не пускали. Только с собой, только под присмотром и держась за ручку. Казалось, глаз с него не спускали, но просмотрели...

Нет, можно сказать, они не были виноваты в случившемся. Беда не приходит одна, как говорится. Сначала Ивана придавило на работе. Тельфером перетаскивали трубы, а стропы не выдержали, и трубы полетели вниз. Иван не успел отбежать. Напарника спас от верной гибели. Успел оттолкнуть его, сам попал под трубы. Накрыло его, словно катком по нему проехали. Пока разбирали, растащили трубы, он еле дышал. В больницу отправили. Весь переломан. Живого места не было. Думали, что всё, в лучшем случае останется лежачим и с уткой под кроватью, а в худшем... Но Иван выкарабкался. Антонина дневала и ночевала возле него. Выживала, лишь бы его поставить на ноги. И выходила. Врачи удивлялись, что он поднялся на ноги. И не только встал, но и потихонечку приучался ходить. Шажок, другой, третий... Тяжело было, но Антонина всегда была рядом, поддерживая его. Одну ногу по частям собирали, по осколочкам. Здесь врачи не ошиблись, сказали, что на всю жизнь останется калекой. Какой из тебя работник, если не только ходить не можешь, но даже плечо осталось приподнятым и при ходьбе казалось, что он одним плечом пробивает дорогу, выставив его вперёд, а ногу подволакивал? И ребра были сломаны, и ещё столько всего, что врачи удивлялись, что в живых остался. Другой бы на

его месте давно бы помер, а он выкарабкался, да ещё про работу спрашивает. Какая работа? Сиди на инвалидности и не рыпайся! В общем, вчистую списали. И на работе обвинили его, будто бы сам сунулся под трубы. Его никто не заставлял. Сам нарушил технику безопасности. Всю вину свалили на него.

Иван места себе не находил, когда узнал, что его отправляют на инвалидность. Как списать, если ещё молодой? Поковыряйтесь во мне, отрежьте что-нибудь или нарастите, может, хоть слесарить смогу или плотничать, руки-то работают, я же молоток или гаечные ключи не ногами держу, а руками. Ну как мне жить, если в таком возрасте уже стал инвалидом? Я ещё детей могу клепать, а вы меня... Ну как же так, а? Как-как... Как другие люди живут, говорили врачи. Живут и не жалуются. Вот и ты радуйся, что живой остался, а мог бы и... они кивали на окно, показывая на городское кладбище. Эх, да лучше бы туда, чем стать калекой. А супруга успокаивала. Время лечит. И ты поднимешься. Главное, что голова на плечах и руки шевелятся. Я сегодня узнавала, что в обувную мастерскую требуется сапожник, а ты же умеешь обувь ремонтировать. Со всего двора к тебе за помощью обращаются. Вот тебе и работа нашлась. Раньше за спасибо ремонтировал, а теперь за такую же работу ещё деньги будут платить. Я договорилась. Они будут ждать, когда оклемаешься и сможешь приступить к работе. Не волнуйся, Ванечка, проживём! Я поставлю тебя на ноги. Главное, что живой, а остальное— дело поправимое. И прижимала его к себе, успокаивала...

Иван запросился домой. Дома стены лечат, как говорится. Обещали выписать, а тут с сыном беда произошла. Неугомонный был. Силу некуда тратить, если постоянно быть под присмотром. Вырвался от матери, когда они направились в больницу, и помчался через дорогу, а тут машина вывернула из-за поворота. Шофёр ничего не успел сделать. Слишком неожиданно мальчуган выскочил на дорогу. Под колёса угодил. Умер. Сразу.

А после похорон, когда старшая дочка уехала, у Ивана разболелась супруга. Умом тронулась, исподтишка говорили соседи и крутили пальцами возле виска. И правда, Иван заметил, что жена стала заговариваться. Сядет, бывало, на диван или возле стола и начинает перебирать вещи сына или его игрушки, а сама разговаривает, словно с живым, а то начнёт смеяться. И смех какой-то пугающий. Сначала тихо посмеивается, а сама к чему-то прислушивается, а потом всё громче и громче. И закатится, аж слёзы на глазах выступают. И всё к Ивану приставала, что он не смеётся над проделками сына. Вот же, глнь, что он вытворяет. И тыкала пальцем в пустоту, и снова заходила в смехе. Иван прятал игрушки, но супруга находила,

и снова начинались бесконечные разговоры с сыном и этот непрерывный пугающий смех.

Иван вызвал врача. Молоденькая приехала. Видать, только после института. Посмотрела на супруга. Иван рассказал, с чего началось. Она покачала головой, посочувствовала. Сказала, что это бьвает и ей нужно побольше положительных эмоций, и тогда всё встанет на свои места, но если дальше будет продолжаться, придётся в больницу везти, а пока полечится в домашних условиях. Выписала лекарства, велела сходить за ними в аптеку. И ушла.

Следом за ней собрался Иван. А кому идти, как не ему? Хотел было стукнуть к соседке, но, услышав, как она костерит своего мужика, не стал. Жену запер на ключ, а сам потихонечку побрёл на костылях. Пока туда дотащился, очередь отстоял. Пока обратно вернулся. Подошёл, а возле дома «Скорая» стоит и милиция. Сердце ёкнуло, когда увидел. Беду почувал. И правда, снова беда в дом пришла. Пока он ходил в аптеку, супруга с балкона шагнула. Сын позвал. Соседи слышали, как она вышла на балкон, всё говорила с кем-то, а потом вскрикнула: мол, подожди меня, сынок. Я иду к тебе, иду. Жди меня... Встала на табуретку, на которой Иван всегда сидел на балконе и курил. Встала и шагнула, чтобы встретиться с сыном. Умерла. Сразу.

Иван сломался. Не выдержал. Слишком много бед свалилось за столь короткий срок. Сначала сам попал в больницу. Еле спасли, до такой степени был плох. Жена сутками от него не отходила. С ложки поила-кормила, лишь бы на ноги поставить. И выходила. Оба радовались, что он вернётся к нормальной жизни. Пусть на инвалидности, но руки и голова есть, а значит, сможет работать. Планы грандиозные, но им не суждено сбыться. С сыном произошла беда. И буквально следом за ним с женой случилось несчастье. Навалилось сразу. Комом. Таким тяжёлым грузом придавило к земле, что Иван не выдержал. Лопнуло что-то внутри. Видать, главный стержень жизни сломался. Запил. Хотел горе водкой залить, но бесполезно. Себя винил во всех бедах. Если бы не попал в больницу, сына бы машина не задавила. А если бы не пошёл в аптеку, а отдал рецепты соседке или попросил посидеть с женой, тогда бы с ней ничего не случилось. И так посмотрит, и сяк взглянет — и везде он виноват. И стал пить. Много. А напьётся — поставит фотографии на стол, разговаривает с ними и плачет. Снова выпьет. И опять говорит. Всё жаловался на свою жизнь. Всё сына жалел и жену, а себя ругал, что их не сберёт. И засыпал тут же, за столом. А проснувшись, снова тащился в магазин...

Старшей дочке, едва вернувшись после похорон брата, снова пришлось ехать на похороны. На этот раз муж и дети поехали с ней. Слишком большое

горе свалилось на них. Ей тяжело, а отцу ещё тяжелее. Видела, как он изводил себя, как пил, не просыхая, потому что винил в этих бедах только себя одного и никого более. И пил. Много! Дочка уговаривала, чтобы отец к ним перебрался. Хотя бы на время, пока не оклемается. Ни в какую! Иван отказывался ехать. Как он может умотать за тридевять земель, если тут лежат и сын, и супруга? И отказывался. Дочка с семьёй долго пробыли тут. Вроде у Ивана на душе должно стать полегче, что внуки рядышком, что отвлекают его, а взглянет на них — и снова появляются слёзы. То ночами вскакивал, когда сына или супругу видел во сне, где они весёлые были и он без костылей. Снилось, что гуляют или возле реки сидят, а сами наговориться не могут, словно потерянное время хотят вернуть. Иван поднимется утром — глаза в пол, и всё норовил в магазин уйти. И дочка не выдержала. Долго с ним разговаривала и уговорила. Соседи пообещали присмотреть за квартирой и могилками. И дочка забрала отца к себе. Надеялась, что вернёт его к жизни.

Может, незнакомый город повлиял, может, чужая семья и чужие люди вокруг или больница помогла, где он несколько раз лежал, а может, местные знахари, которые лечили его заговорами и травками, Иван с трудом, но всё же взял себя в руки, а потом запросился домой, когда на душе полегчало. Загостился. Затосковал. Уезжал на месяц-другой, а исчез на три долгих года. И уехал, пообещав дочке, что будет держать себя в руках.

...Иван вывернул из-за угла дома. И правда, фамилия Воронин подходила ему. Вроде ещё не старый, но из-за горя, что свалилось на него, сейчас он больше был похож на старого покалеченного ворона. Сам в тёмной одежде, нахохлившись из-за приподнятого плеча, опустив чернущую голову, зырякая исподлобья по сторонам, он медленно шагал, подволакивая ногу, и делал вид, будто не замечает соседок, которые сидели на лавке возле подъезда. Вчера принесли пенсию. Ну и того... Пошёл в магазин за продуктами и не удержался, сначала взял одну бутылку, походил по отделам и снова вернулся и купил ещё несколько бутылок пива. А утром проснулся — голова словно чугунная. Глянул, похмелиться нечем. Пришлось в магазин тащиться. И сейчас ему хотелось побыстрее юркнуть в подъезд, подняться к себе, закрыться и никому не открывать дверь, пусть хоть потоп, хоть пожар — ему было наплевать. Он не то что хотел похмелиться, он хотел остаться наедине со своим одиночеством, к которому давно привык.

— Эй, Иван, здоров был, соседка! Ну и как, вчера хорошо погулял? — окликнула одна из соседок. — До полуночи радио орало. Опять дурью маешься? Пенсию с гультяин нос получаешь, с хлеба на воду перебиваешься, но ещё умудряешься напиться.

И откуда деньги берёшь на эту пьянку, а? Ты же насквозь больной, весь переломанный, на тебе живого места не осталось, а ещё пьёшь. Другой бы загнулся, а тебе хоть бы хны. Хоть бы о себе подумал, о своём здоровье...

— От водки микробы дохнут, — брякнул Иван. — Поэтому меня ничего не берёт, даже смерть с косой. Эх, да лучше бы забрала, чем так жить. День прошёл, ну и...

И махнул рукой, заматерился.

— Дурак! Да разве можно такое говорить? — всплеснула руками соседка. — При Антонине не пил, а сейчас что хочет, то и делает, и никто ему не указ, — и ткнула пальцем. — Обормот!

— Да пошла ты... — буркнул Иван. — И без тебя тошно...

И закондылял к подъезду.

— Не лайся, Любка, — толкнула соседку другая, Ирина Петровна, — она была подружкой покойной супруги Ивана и поэтому старалась его защитить, если была возможность. — Слышь, Вань, опять за бутылкой ходил? Да лучше бы пожрать купил, чем её, проклятушую. Ну сколько можно с тобой разговаривать на эту тему? Прекращай это нехорошее дело, завязывай, а то напишу твоей дочери, что снова стал в бутылку заглядывать. Она вмиг примчится. Завязывай...

Ещё одна соседка что-то ехидно сказала, но Иван сделал вид, словно её не слышит. А последняя, самая маленькая, больше похожая на девчонку-подростка, чем на взрослую женщину, поморщилась и кивнула, поправляя косынку.

— Зарекалась свинья... — она не договорила, взглянув на него, и махнула рукой. — Пока жена была под боком, присматривала за ним, а её не стало, вот и распоясался. Свободу почувал, — и сказала, словно плюнула: — Алкашонок, а не мужик! Настоящий мужик должен в любой ситуации оставаться мужчиной, а не махать на себя рукой. Не успеешь оглянуться, как очутишься на самом дне.

Она хмуро посмотрела и ткнула пальцем в него. — Сама ты, Машка, свинья, — здесь уже сам Иван не выдержал и приостановился. — Нет, не свинья, а ехидна рыжая. Тебе-то какое дело, пью я или нет? Да что ты понимаешь в моей жизни? Я, может быть, до сих пор горе не могу залить, а ты... Устал я от этой жизни. Ох как устал! — он махнул рукой, взглянул на неё и сказал: — Слышь, Манька, а чего проходу не даёшь мне? Пристаёшь как банный лист. Может, понравился? Так скажи. Бутылочку возьму, и обмозгуем это дело. Глядишь, и...

Иван выпятил грудь, охнул и схватился за голову.

— Слышь, Мария, он дело говорит, — повернулась к ней Ирина Петровна, поправляя косынку. — Подумай. Мужик-то неплохой. Жалко его, если пропадёт. Уж сколько лет вдвоём живёт. Подумай. Может, правда что-нибудь у вас срастётся?..

— Да на кой ляд он сдался? Семья должна быть крепкой. Соедини две половинки в одно целое — это и есть муж и жена. Что говоришь? Да, к любому человеку можно найти подход. Я считаю так: если сходитья — это на всю оставшуюся жизнь и жить душа в душу, чтобы каждой мелочи, каждому пустячку радоваться, а не для того, чтобы каждый день лаяться или на пьяную рожу смотреть, — взвилась было Мария, но осеклась, когда в бок ткнули кулаком. — А ты не ширяйся, Ванькина заступница! Лучше бы отругала его. Сколько лет горе заливаешь. Знаю, что мужик неплохой. Пора бы за ум взяться. А он за воротник закладывает. Ведь совсем сопьётся. Так недолго и с балкона упасть...

Не подумав, сказала стгоряча и прикрыла рот ладошкой, покосившись на Ивана. Видать, пожалела, что о прошлом напомнила.

— Дура, как есть — дура! — рывкнул Иван, рывком распахнул дверь и с треском захлопнул за собой, поднимаясь по лестнице, продолжал ругаться: — Не язык — словно помело поганое. Говорит одно, а делает другое. С мужиком нужно лаской, как моя Антонина делала, а эта своим языком — как обухом в лоб. Ни один нормальный мужик не согласится с такой бабой жить. Язык мой — враг мой, — и опять повторил: — Дура!

И ругался во весь подъезд, пока не добрался до квартиры. Потоптался возле двери, словно решаясь, а может, о чём-то задумался. Зашёл. Захлопнул дверь. Снова прислушался. И заторопился на кухню, где на плите стояла маленькая кастрюлька с прокишим вермишелевым супом — забыл убрать, а на небубранном грязном столе стояла тарелка с вялыми огурцами, два куса чёрствого хлеба и стакан.

С той поры, когда он вернулся домой от дочери, прошло поболее трёх лет, а словно вчера это было. И каждый раз, когда он открывал ключом дверь, казалось: сейчас распахнёт — а на кухне супруга возится, как обычно, а сын сидит в своей комнате и занимается. Он любил рисовать. Все стены были увешаны картинками. Сколько альбомов переверёл — не счесть, и это теперь осталось памятью о нём, памятью о его семье, которую потерял по своей вине. Иван так и не смог простить себе, что в тот злополучный год попал в больницу, и если бы не это, были бы живы и сын, и супруга, а теперь... теперь он остался один. Нет, конечно, есть ещё старшая дочь, но она так далеко, словно на другой планете живёт. Всё грозитя приехать, а у самой трое ребятишек и больная свекровь на шее. Ладно, мужик неплохой. В море ходит. Заработки хорошие. Но уходит на несколько месяцев, и получается, что дети, свекровь и хозяйство на дочке. И она прёт, не разгибаясь, как ломовая лошадь. Куда уж тут ехать, если такое яро на шее? Ладно, звонит да письма пишет — это уже хорошо. Пусть далеко, но всё же они общаются.

А чтобы вот так, сесть рядышком, поговорить по душам, доверить самое сокровенное, что другим не скажешь, да просто друг другу ласковое слово сказать — такого человека не было.

Антонина ушла в мир иной, а другую женщину он так и не смог привести в дом. В последнее время и дочка намекала, чтобы женился, ну, или хотя бы нашёл себе подружку жизни по душе, а он только плечами пожимал и отмалчивался. Какая женщина, если на себя давно рукой махнул? Ну а соседи... Вроде мирно с ними живёт, но близко не подпускает. У них своя жизнь, а у него своя, а вот близкого человека, чтобы душу перед ним распахнуть и рассказать всё, о чём наболело, у него не было. Частенько подруга жены, Иринка, или Петровна, как её называют, к нему заходит. Иногда порядок наведёт, а если свободное время было, что-нибудь приготовит на скорую руку и торопится домой. Мужик должен прийти или дети обещали в гости зайти. И уходит, а он опять остаётся один на один со своими мыслями и своим прошлым, от которого никуда ему не деться, так и будет его сопровождать до последнего своего часа...

Ивану хоть и обещали врачи: может быть, всё же найдёшь какую-нибудь работу, — но ему не повезло. Пока у дочки сидел на шее, она таскала его по всяким врачам и знахарям. Всё пыталась к жизни вернуть. Пусть не полностью, а хотя бы частично его восстановить. Что-то восстановилось, а вот нога, собранная из осколков, да плечо, которое столько раз оперировали, — они так и не вернулись в своё положение. Хочешь или нет, но инвалидом остался. И уже ничего не поправишь.

Вернулся домой, надеясь, что родные стены помогут. Правда, ехал, а на душе беспокойно было. Особенно когда подошёл к подъезду. Ладно, никого не было возле него. Постоял немного, словно с духом собирался, а потом распахнул дверь и стал подниматься по ступеням. Чем выше, тем медленнее шагал. Поднялся на свой этаж. Ткнул ключ в замочную скважину, повернул и застыл, прислушиваясь, аж головой мотнул, не поверив. Ивану показалось, что на кухне супруга поёт. Песню любила про рябинушку, про неё, кудрявую. И всегда её пела. Особенно если на кухне возилась. Это была бесконечная песня. Много всяких знала, а напевала одну и ту же. И сейчас он стоял возле двери, а открыть не решался. Казалось, распахни дверь — и увидит жену, как возится на кухне, опять, наверное, что-нибудь стряпает, а сын, как обычно, альбомные листы переводит. И не удержался. Распахнул дверь. Переступил порог. Сумка выпала из руки. И стал озираясь. Захотелось ему крикнуть: а вот и я вернулся! Но в квартире стояла тишина. Затхлый воздух. И такая тишина — аж в ушах зазвенело. Иван не удержался. Присел на краешек стула, что стоял

в прихожке, и едва слышно застонал: протяжно и тоскливо — больно...

До утра просидел на диване. Редкий раз поднимался, выходил на балкон, и сразу щемило сердце при виде табуретки, с которой супруга шагнула навстречу сыну, а убрать её — духу не хватало. Он курил на балконе, потом возвращался в квартиру. Заходил на кухню и подолгу стоял возле окна. Смотрел на редкие проезжающие машины. Вслушивался в голоса, что раздавались в ночной тьме, и ещё невольно прислушивался, что вот сейчас, вот оттуда, из спальни, донесётся голос жены или сонное бормотание сына, а потом торопился туда, где висели на стенах рисунки сына, а на столе стопка альбомов — это всё, что осталось на память. А ещё сохранились семейные фотографии, когда сын родился, когда с ним гуляли, в садик пошёл, а там... Этих «когда», «ещё» и «там» было много, и Иван мог часами сидеть и перебирать фотографии, где были он с супругой и сын с дочкой. Столько времени прошло, а боль не утихает. Вроде заглушал её, пока гостевал у дочки, а она всё равно внутри живёт. И едва что-то напомнит о сыне или жене, тут же вспыхивает эта самая боль — долгая, щемящая — тоскливая...

Но жизнь продолжалась. Дня не прошло, как вернулся, — в дверь забарабанили. Подруга покойной жены, Ирина Петровна, примчалась, а вслед за ней Мария, эта рыжая ехидна, зашла. Соседи позвонили им, что всю ночь по квартире кто-то ходил. Уж не воры ли влезли? Прибежали и ахнули, увидев Ивана, которого столько времени не было дома.

— А что не сообщил? — сразу с порога сказала Петровна. — Мы бы встретили. Здоров был, Ваня! Вижу, немного оживаешь, и лицо прояснилось, а то совсем почернел, когда беда пришла. Ну, как себя чувствуешь? Почему не сообщил? — прыгая с пятого на десятое, загатарорила Петровна.

— Сам добрался, — буркнул Иван. — Что зря людей беспокоить?

— А может, в магазин сходить? — сказала Мария. — Я бы купила продукты. У тебя же хоть шаром покати. Обед бы приготовила. Ты же с дороги. Кушать хочешь. Что купить, Иван? Я быстренько схожу...

— Сам схожу, если нужно будет, — нахмурился Иван. — Обойдусь без помощников. Пора привыкать к этой жизни.

— У меня суп есть. Вкусный! Только что приготовила... — запнулась Мария. — Может, принести кастрюльку? Покушаешь...

— Без тебя справлюсь, — перебил Иван. — Что пристала со своим супом, как банный лист к заднице? Не успел приехать, уже ломятся в двери. Без тебя обойдусь. Ишь, жалельщица нашлась! Кастрюлю с супом она принесёт. Накормит бедненького. Пожалее. Да пошла ты...

Иван поморщился и отмахнулся от неё.
— Ну и справляйся,— вспыхнула Мария.— Никто тебя не собирает жалеть. Хотела по-соседски помочь, а он развыступался. К нему с добром, а он... И она ушла, с треском захлопнув дверь.

С той поры Мария взъелась на него. А Петровна редкий раз, но всё же заходила к нему. Помогала по хозяйству. То полы вымоет, то пыль по верхам вытрет—Ивану тяжело было подниматься на табуретку, то постельное бельё простирнёт или что-нибудь из магазина принесёт. И всё это старалась делать незаметно, так, словно мимо проходила и забежала на минутку. Она пыталась вернуть Ивана к жизни...

Но постепенно всё реже и реже стали заходить соседки, потому что у каждой своих забот полон рот, у всех семьи, а они пропадают днями у одинокого соседа. Это ж какому мужику понравится? Может, мужики ничего не говорили, какая-никакая, а мужская солидарность существует, и каждый понимал, что на месте Ивана мог оказаться любой из них. Но всё равно помощницы реже стали появляться. Иван тоже огрызался, когда соседки слишком навязчиво предлагали свою помощь. Если жены в доме нет, чужая не помощница. Ивану волей-неволей, но пришлось возвращаться в эту самую жизнь.

Возвращение было трудным. А честно сказать, он, наверное, до сих пор считал, что находится между прошлым и настоящим. Застрял и никак не может вернуться в эту жизнь. Если бы работал, легче перенёс бы эти беды, что свалились на него. Всё же с людьми, всё же крутился бы по работе, глядишь, меньше думал бы про супругу и сына. А тут днями и ночами сидит один в четырёх стенах, и невольно, о чём бы ни подумал, мысли снова и снова возвращают его в то злополучное время, когда погибли самые близкие для него люди, и опять начинает себя корить: если бы в тот год не случилась с ним беда, тогда бы они были живы. И, как ни крути, получается, что в их смерти виноват он и только он один—и никто более.

Иван снова стал заглядывать в рюмку. Срывался, когда пенсию приносили. А летом, бывало, брал бутылку и уходил на кладбище. Садился возле могилки, где лежали супруга и сын, выпивал и начинал с ними разговаривать. Если бы его увидели со стороны, кто-нибудь сказал бы, что у мужика крыша поехала, и принялся бы крутить возле виска, а другие молча проходили бы и махали рукой: болтает—ну и пусть болтает. Никому же не мешает. И каждый шёл по своим делам. А Иван сидел и разговаривал с ними, как с живыми. О себе говорил, как ему плохо без них живётся, про дочку, что у неё уже трое ребятишек, про соседей, как они живут. Вообще, обо всех новостях рассказывал, а лишнего выпьет—и не замечал, как засыпал там же. И, очнувшись, тащился в город.

С годами костыли бросил, но с клюкой не расставался. И плечо болело. Годы прошли, а к непогоде хоть на стену лезь. Подружка жены Нинка, или Петровна, как её называли во дворе, частенько заводила разговоры про женитьбу. Даже не про женитьбу, а что в доме нужна женская рука, чтобы за порядком присматривала и за ним, а что он может сделать со своей шлёп-ногой да приподнятым крылом? Ну разве только если стакан в руке держать, она ехидничала, но тут же грозила ему: если увидит пьяным, сразу его дочери сообщит. Но сама при каждом удобном случае все разговоры сводила к тому, что в доме нужна женщина...

Иван избегал таких разговоров. Но в то же время, понимал, что слишком тяжело жить без женской руки в доме. Он всегда вспоминал свою Антонину, как она справлялась с домашними делами. А когда её не стало, у Ивана всё из рук стало валиться. Не получается, и всё тут! Ладно, редкий раз Петровна помогала, ну, ещё кто-нибудь из соседок забежит, то булку хлеба принесут, то овощей или фруктов с дачи, но в основном на его кривые плечи ложатся все обязанности по дому. Брался за домашние дела и не знал, плакать ему или смеяться. Сколько времени живёт один, а не научился стирать или порядок навести в квартире. Займётся постирушками, забудет и смешает чёрное с белым, а потом с удивлением и руганью рассматривает, что у него в руках находится—то ли половая тряпка, то ли рубаха в непонятных пятнах и разводах. А уборка—это вообще тоска зелёная, с его-то кривой ногой и плечом-крылом. Ни взлететь и ни оттолкнуться. Ладно, по низам, то есть полы, можно шваброй грязь развести и мусор по углам растолкать, а выше не получается. На стул не залезешь, и одна рука не поднимается. Какой уж тут порядок наведёшь? Ладно, простенький суп сварить или картошку пожарить—это ещё получается, но что-нибудь повкуснее, как готовила его Антонина, у него не выходит. Руки не из того места растут, как он говорил. И задумывался. Да, с одной стороны—без женщины как без рук, а с другой стороны если взглянуть—да какая баба за него пойдёт, за инвалида-то? Всем же здоровые нужны, непьющие и некурящие, чтобы зарабатывали много и руки правильно росли, а не из какого-нибудь места. А у него что? Да ничего! Ни денег, ни работы, ни тем более здоровья, да ещё курит и от рюмки не отказывается. Разве нормальная баба пойдёт за такого? Конечно, нет! А с дурой жить—только время тратить. Эй, кому калека нужен? Налетай! Не выдержал Иван, закричал. Тишина... Иван вздохнул. В том-то и дело, что никому...

А ещё у него было одиночество. Его одиночество, к которому он привык за эти годы и из-за которого ему не хотелось приводить чужую женщину в дом. Он привык, что всегда один. А повись

новый человек в доме, ещё неизвестно, нашли бы они общий язык или нет. Кажется, для жизни многого не нужно. Просто два человека с разными характерами должны стать одним целым, как у них с Антониной было. А получится ли стать единым целым с другой женщиной — он этого не знал...

Первое время, когда остался в одиночестве, — это слишком тяжело было для него. И дома не мог находиться, и на улицу пойдёт, а там везде знакомые места, где они с семьёй проводили свободное время. Вон кафе, где ели мороженое. А в парке катались на каруселях. А в этом скверике они с Антониной любили сидеть, когда молодыми были. Планы строили на жизнь. А оно гляди, как жизнь к ним повернулась... Да, тяжело было вспоминать. Слов нет.

И на работу ездил. Но его даже за ворота не пустили. Это производство, а не проходной двор, и захопывали перед носом калитку. Петро, да это же я, Иван! Не признал, что ли? Иван стучал кулаком в грудь. Ну как же, признал, но здесь завод, а не парк отдыха. Иди, Иван, иди отсюда, пока проверяющий не появился. Я же нагоняй получу из-за тебя. И прогоняли его. Правда, редкий раз встречал знакомых, с кем работали вместе. Постоят, поговорят. Иной раз в пивнушку зайдут, пару кружечек пивка возьмут и разговаривают. Иван в основном спрашивал и жадно слушал, что делается у них на работе. Кто из старых остался, кого выпроводили на заслуженный отдых, кто из новеньких пришёл, и будет ли толк от них. А помнишь того, ну, Матвея Носова, который в слесарке сидел? Здоровенный такой! Да, припоминаю. Нет его, схоронили. Онкология, твою мать. Не успели глазом моргнуть — начисто сожрала мужика, а ведь в нём было живого весу поболее ста кило, а схоронили одни мослы и череп, обтянутый кожей. И куда смотрит медицина, почему до сих пор не придумают лекарство от этой заразы? И начинались долгие разговоры. Казалось, говорили обо всём, но в то же время — ни о чём. Иван вернётся домой, посидит, вспоминая разговор, и пожмёт плечами. Вроде много говорили, обо всём расспрашивал, а ничего путного не услышал...

Но первое время, когда из больницы выписался, Иван вообще сторонился людей. Всех. Молодой ещё, можно сказать, но уже калека. Инвалид. Он видел, как возле храма сидели нищие и просили подаяние. И вздрагивал, представляя себя среди них. А что? Как раз для него место. Нога покалечена, плечо — словно крыло торчит, а из-за этого и голова наклонена в одну сторону, словно он хочет прислониться к этому плечу, и взгляд получается исподлобья, а не прямо в лицо. Сесть возле нищих, протянуть руку — и собирай милостыню. Люди будут проходить, кидать копейки в подставленную коробку или фуражку, и ни один не взглянет на него, а если посмотрят, то с презрением: молодой

же, а просит. Зачертыхался Иван. Лучше голодным быть, чем сидеть с протянутой рукой. И уходил к реке. Забирался в глушь, усаживался на берегу и думал, поглядывая на воду. О чём думал? Да обо всём, и о жизни — тоже.

...Иван сидел на скамейке возле подъезда. Нога болела, никакого спасу нет, хоть волком вой, хоть об стену головой — ничем не уймёшь эту боль. Врачи говорили, так и будет к непогоде. Чем старше станешь, тем сильнее будет болеть. Новую ногу пришить не получится. Радуйся тому, что смогли твою сохранить, а боли — от этого никуда не денешься. Будешь принимать лекарства. Вылечиться не получится, но боль можно заглушить.

Он поморщился, растирая ногу. Чуть не охнул, когда её словно прострелили. Мимо промчались ребятишки. Иван невольно взглянул вслед, а у самого в голове мелькнуло, что вот и его сын так бегал, а сейчас... Он вздохнул. Да, так и будешь жить воспоминаниями.

Иван мельком окинул заросший двор, взглянул на дом, где были видны лишь верхние этажи, а остальное заслоняли деревья. Вон как разрослись! А когда-то двор был голым. Всё как на ладони. Ни тенёчка, ни кусточка. Помнится, он уговаривал жителей выйти на субботники или воскресники, чтобы сделать палисадники и посадить кустики акации или рябинку, потом посадили берёзы и клён. Хорошие, красивые деревья. Помогая плотнику из домоуправления, с мужиками лавочки сколотили и вкопали. Домоуправление поставило беседку и сделало небольшую детскую площадку с песочницей. Вот уж радость для ребятиг! И женщины не отставали. То клумбочки сделают, то цветами займутся перед своими окнами. Двор заиграл. Красивый стал, ухоженный. С той поры, если взглянуть, много воды утекло. Некоторых жильцов уже нет. Одних схоронили, другие получили новые квартиры и переехали, а на их место новые соседи заселились. Жизнь на одном месте не стоит. Она движется...

Иван вздохнул, вспоминая прошлую жизнь, и нахмурился, аж брови сошлись на переносице, когда увидел соседку — эту пигалицу, Марию, эту рыжую ехидну, как называл её Иван. Поругались, когда он вернулся. С той поры не могли общий язык найти. С виду баба хорошая, но живёт одна, и язык у неё — Бог семерым нёс, одной достался. Попробуй сунуться к ней, так отбреет — с неделю икать будешь. Да ещё на весь двор опозорит. Все Машкины беды от длинного языка, как Иван говорил. Поэтому без мужика живёт, что ни один нормальный мужик не станет с такой ехидной жить. Иван наизусть выучил её характер. Сколько лет прожили в одном подъезде, а общий язык не нашли. Сам виноват. Женщина с характером, а он взял и оттолкнул её, когда они с Петровой зашли к нему после возвращения. Она же хотела

помочь ему, а в нём разыгралась мужская гордость, что справится, да ещё прошлое вспомнилось, когда вернулся. Ну и того... разлазались. С той поры Мария взелась. В общем, стали врагами. Иван покосился на неё, опустил голову, словно не заметил, и полез в карман за сигаретами. Всё, ничего хорошего можно не ждать. Это не баба, а банный лист, который так и норовит пристать. Иван уж пожалел, что решил посидеть на лавочке. Мария вышла из подъезда. Постояла, посматривая по сторонам. Взглянула на чернущую грозовую тучу, которая нависла над соседним двором, на деревья, что шумели под порывами ветра. И тоже нахмурилась, заметив Ивана на скамейке. Хотела было вернуться домой, но приостановилась, а потом направилась к скамейке. Иван вздохнул. Всё, сейчас начнёт читать мораль...

— Не с кем выпить, или на бутылку не хватает? — не удержалась, съехидничала Мария, присаживаясь на краешек скамейки. — А, забыла... Ты же у нас алкаш-одиночка. Одному больше достанется, да?

И мелко засмеялась.

— Дура, как есть — дура! — рывкнул Иван, хотел подняться, но охнул и снова уселся, схватившись за ногу. — Я в аптеку собрался. Лекарства закончились. Сунулся — хоть шаром покати. Спустился на улицу и понял, что до аптеки не дойду и обратно не смогу подняться. Сижу, в себя прихожу. Нога болит. Сама видишь, как погода крутит, спасу никакого нет. Здесь хоть в петлю головой, а ты — алкаш, алкаш...

— А что, сунулся бы в петлю, всё равно живёшь ни себе, ни людям. Бултыхаешься, как дерьмо в проруби, а так бы сразу все проблемы снял, — снова съехидничала Мария. — Всем миром бы схоронили. Я бы даже на букетик цветов не пожалела. Тебе какие нравятся — гвоздички или каллы? Ну, так, на всякий случай спрашиваю... Вдруг да пригодятся. Я бы их собственноручно на могилку положила. Знаешь, Иван, ты пьёшь, и другие мужики, глядя на тебя, за воротник закладывают. Бабы лаютя, а мужики пальцами на тебя указывают. И пьют, сволочи, а всю вино на тебя валят! Дурной пример подаешь, алкашенок. Эх, да лучше бы нашёл путную бабу и женился. Глядишь, за ум бы взялся. А так... — она махнула рукой. — Я всегда говорила, что мужики — они слабаки. Чуть что, сразу ломаются и начинают в рюмку заглядывать. Прямо как ты. Был человеком, становишься алкашонком.

И опять мелко засмеялась.

Иван засопел. Эта ехидна при случае всегда его называла алкашонком, словно у него имени не было. И постоянно с ехидцей, с подковырками, аж хотелось вскочить и треснуть по её рыжей башке, но нельзя — это женщина, как ни крути. Пусть вредная, но баба...

— Ехидна рыжая, врезать бы, да не приучен на бабу руку поднимать, — медленно, с расстановкой

выдавил из себя Иван, кое-как поднялся и, опираясь на клюку, потащился к подъезду. — Рано меня хоронишь. Рано! Не дождёшься! Все бабы как бабы, а эта — банный лист. Пристанет и покоя не даёт. Вот уж уродилась червоточина. Путную бабу не найдёшь, но и такая не нужна. Правильно, лучше в петлю, чем такую жену иметь.

Он повернулся и ткнул в неё пальцем.

— Дурак, может быть, в петлю полезет, а умный станет на руках носить, — вслед донеслось, и раздался громкий смех. — Ну, тебя это не касается. Ты к первым относишься. Ну, к тем, кто в петлю лезет, а отсюда следует, что ты — дурачок!

И ещё громче расхохоталась.

— Видать, на твоём пути одни лишь дураки встречались, если до сих пор умного мужика найти не можешь, поэтому одна живёшь. Вот ты и есть, что ни себе, ни людям, — не удержался, ткнул пальцем Иван. — Потому что умный не позарится на такое добро, как ты, Мария, а дурак просто тебя не заметит, а если заметит, на другой день сбежит. Потому что с тобой жить — только время тратить.

Мария умолкла на мгновение, услышав его ответ, а потом снова принялась смеяться.

Иван думал, что её разозлит, и не ожидал, что она засмеётся, и готов был клюку в неё бросить, но запыхтел, распахнул дверь, зашёл в подъезд и с размаху захлопнул дверь. И, ругаясь, стал подниматься по лестнице.

— Дура, как есть дура, — ругался Иван, с трудом поднимаясь по ступеням. Хотел было плюнуть под дверь, где жила Мария, но не стал так низко опускаться, а мимо прошёл. — Лучше бы в аптеку сбегала, чем приставать. Видит же, что нога болит, а ей хоть бы хны. Это она мстит за старые дела. Я и говорю, что она — баба вредная. Прицепилась, как банный лист. Тычет носом, будто я алкаш последний, и смеётся надо мной. Другие пьют, она всю вино на меня сваливает. Я никому не наливаю и никого не заставляю. А Мария мне покоя не даёт, пилит и пилит. Вот уж уродилась червоточина! — Что лаешься, Иван? — распахнулась дверь и на площадке появилась высокая дородная Лариса Николаевна, его бывшая начальница участка на заводе. — Что ругаешься, говорю? На весь подъезд разорался.

Она неторопливо захлопнула дверь и повернулась к нему, поправляя яркую косынку.

— Ай, опять с ехидной повстречался, — Иван махнул рукой и невольно вцепился в перила, когда шатнуло на больной ноге, на которую опёрся. — Ох, мать твою за ногу! Аж в глазах потемнело! Хотел в аптеку за лекарствами сходить, нога болит — спасу нет, да куда по такой погоде тащиться? Того и гляди ливанет. А тут ехидну принесло. Психанул и ушёл домой, лишь бы с ней не разлазять. Ещё смеётся надо мной, сволота! Из-за неё остался без таблеток. Хоть на стену лезь. Слышь, Ларис

Николавна, дай анальгинчик или какую-нить мазь. Я же не дотяну до утра. У кого достать, а? Я бы вернул. Скорую помощь, говоришь? Да ну... — он протянул и махнул рукой. — Они не поедут ко мне. Что им скажу — что нога болит? Да они засмеют меня! — и опять махнул рукой. — Да ну...

Он приостановился и принялся растирать ногу. — Не обращай внимания на Марию, — хохотнула бывшая начальница. — У неё тоже жизнь не сахар. Сколько лет одна живёт, никого к себе не подпускает. А баба должна жить для кого-то — это в каждой женщине заложено, а у неё никого не осталось. А ведь всякая баба хочет тепла, чтобы её обняли, приласкали, пожалели, и тогда она всё сделает, было бы для кого делать. Одна живёт, — и словно с трибуны сказала, подняв кулак, и рубанула: — С людьми нужен общий язык находить, а с бабами тем более, потому что в первую очередь она — женщина, которую нужно любить, ну, в крайнем случае, уважать, а всё остальное — это шелуха. Вот так, Иван!

Сказала, опять рубанула рукой и принялась спускаться по лестнице.

— Ага, женщина... А ты попробуй-ка найди язык, приласкай эту ехидну, — вслед сказал Иван. — Не то что руку откусит — самого сожрёт и не поморщится. Хорошая женщина не станет лаяться, как Мария, а подход бы нашла к мужику. Вот, к примеру, как моя Антонина делала. А у этой же Марии всё наоборот получается. Наизнанку вывернется, лишь бы носом ткнуть. Пусть дураков в зеркале ищет, которые согласятся её жалеть, а мне ещё жить хочется.

Он пробормотал, прислушался к грузным шагам соседки, вздохнул и снова стал подниматься по ступеням. И пока поднимался, всё чертыхался, ругая Марию и всех родственников, каких только знал.

А дома, глядя на грозу, которая не на шутку разыгралась на улице и не думала останавливаться, а наоборот, гроза перешла в ливень, казалось, что небо прохудилось, и потоки воды ринулись вниз, с каждой минутой всё сильнее и больше заливая улицу и двор. Где были низинки, появились озёра, а возвышенности казались островками.

— Ох, что делается-то — страсти Господни, как говаривала моя Антонина! — поморщился Иван, пытаясь рассмотреть сквозь плотные струи дорогу. — Здесь здоровому человеку утонуть недолго, а я, калека, в аптеку собрался.

Сказал и снова сморщился, схватившись за ногу. Боль тягучая, изматывающая. Такой лишь зубная боль бывает. Особенно по ночам. И тогда на стенку лезешь из-за неё, готов среди ночи бежать к врачу, чтобы его выдрать. И утром мчишься, и вздыхаешь облегчённо, выходя из кабинета. А с ногой не побежишь и не выдернешь её, проклятую. Так и будет изматывать тебя. Уже терпения не хватает. Иван все углы, все полки обшарил

в поисках таблеток и мазей. Но ничего не нашёл. Казалось, нога распухла и стала как гумба, не меньше. Он с каждым разом всё труднее и труднее переставлял её, опираясь на клюку. Дома ходил без клюшки. Если нужно, придерживался за стенку или за мебель, а сегодня и правда хоть головой в петлю, до такой степени разболелась нога. И к Петровне не сходишь. Уехала с мужем к внукам. А соседи на работе. Он слышал, как утром собирались, а сейчас ещё день, но ему казалось, что уж ночь наступила, и тьма за окном, и боль такая тягучая, как само время, сколько ни погляди, стрелка словно на одном месте застыла, а ему ещё до утра нужно протерпеть эту боль, чтобы сходить в аптеку. В такую непогоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А ему хоть плачь, а до аптеки нужно добратся. Иначе до утра не дотянет. От боли в петлю ползет. Подумал и снова застонал, растирая ногу. А потом всё же решил: хоть потоп, а нужно пойти за лекарствами. И, собравшись, потихонечку направился в сторону аптеки. И не дошёл. Споткнулся, когда пытался перейти поток воды на дороге, не заметил колдобину, нога скользнула, и Иван со всего размаха рухнул на дорогу.

Иван очнулся в машине скорой помощи, которую вызвали случайные прохожие. На помощь бросились. Побоялись, что захлебнётся в потоке грязной воды. Вытащили на обочину, а у него голова разбита и ступня вывернута. Повредил, когда упал. Так Иван оказался в больнице...

Врачи вправили распухшую ступню. На всякий случай сделали рентген, но, слава Богу, только вывих и ничего серьёзного. Отрутали, что долго не был, а за здоровьем нужно следить, если хочет прожить до ста лет. Голову перебинтовали. Небольшое сотрясение и глубокая ссадина на затылке. Ничего опасного, как сказали, но из больницы отказались выписывать. Полежи. Отдохни. И подлечись, а то стал похожим на ходячий скелет. И принялись лечить его ударными дозами, как сказал врач. Таблетки три раза в день, уколы, а ещё системы прокапать, ну и всякие процедуры в физиокабинете. В общем, ему показалось, что дома больше отдыхал, чем в этой самой больнице. Но пришлось подчиниться врачам.

Дни мелькали, и не замечал. Днём набегаются по кабинетам, если можно так назвать ходьбу с клюкой, после обеда тихий час, за ним часы приёма посетителей, и многие больные уходили на прогулку. Лишь Ивану некуда пойти. К нему никто не приходил. Он сидел в палате или уходил в столовую, где был телевизор, и смотрел все передачи подряд, лишь бы побыстрее вечернее время пролетело. На ночь выпросит сонную таблетку, как он называл, обезболивающий укол сделают, и спит до утра. А утром снова всё по кругу. Умылся, завтрак, обход, процедуры — и до вечера, пока спать не завалится.

Дни пролетали, а Иван рукой махал: день прошёл, ну и... Всё равно дома никто не ждёт, а сюда тем более никто не придёт. И не всё ли равно, где лежать—дома на диване или в больничной палате. Здесь хоть соседи по палате, с кем можно поговорить или послушать, о чём рассказывают, а дома тоска зелёная, не с кем словом перекинуться. В часы приёма в палате никого не оставалось. Здесь лежали лёгкие больные, как их называли, или ходячие. И они, когда были часы приёма, все спускались в больничный дворик, где гуляли по аллейке или сидели с родными или знакомыми. Возвращались с пакетами и авоськами. Ивана угощали. Кто яблоко сунет, кто пирожок или парочку пряников положит, чтобы чай попил. Видели, что к нему никто не приходит, поэтому старались не то чтобы подкормить, а просто угостить. Но однажды, в один из вечеров, когда часы приёма закончились и больные вернулись в палаты, Ивана окликнула медсестра, когда он направился в курилку.

— Меня зовёшь, что ли?—Иван исподлобья посмотрел на молоденькую медсестру и шприцы, которые она держала в руках, а потом взглянул на часы, висевшие в коридоре, и развозмутился:—Опять на уколы? Мне же отменили. Не видела, что ли? Так загляни в журнал! Оставили только на ночь. На выписку готовлюсь. Отстань с уколами! У меня вся задница в дырках, как решето, а ты зовёшь. — Не ворчи, Воронин,—медсестра кивнула головой в сторону дверей.—К тебе посетительница пришла. В палату не пропущу, так и знай,—она воинственно взглянула на него.—Сколько можно говорить, чтобы в отделение не приходили, а она припёрлась. Часы приёма закончились. К тебе допуск не делали. Возьму и не пущу. Нечего грязь по больнице разносить,—потом оглянулась и снисходительно махнула рукой.—Ну ладно, Воронин. В коридоре разговаривайте. И зачем пришла, если готовят на выписку? Не понимаю...

Сказала и, мелко шагая, засемила в ординаторскую.

Чертыхнувшись, Иван прищурился, стараясь рассмотреть в конце полутёмного длинного коридора, кто к нему пришёл. И некому было ходить-то. Дочка далеко. С соседями мирно жил, но в последнее время не общались. Так, привет-привет—и разбежались. С чего они припрутся к нему? Тем более никто не знает, что он в больницу попал. Родственников в городе не было. И с работы не появятся. Они уж забыли, что такой человек, как Иван Воронин, бывший работник завода, ещё живёт на белом свете. Некоторые из старых знакомых удивлялись, встречаясь с ним. Говорили, что слух прошёл, будто его похоронили. И так уже несколько раз было, что раньше времени на кладбище несли. Иван пожал плечами. Странно, никто не должен прийти. Но в то же время кто-то его ждёт! И Иван неторопливо

направился в конец коридора, где на узенькой лавочке напротив ординаторской в полусумраке виднелась маленькая фигурка.

И чуть было не развернулся, когда увидел соседку Марию, эту рыжую ехидну, которая сидела на лавочке—невысокая и худенькая, словно подросток. Чуть сгорбившись, она сидела на лавке, о чём-то задумавшись, в руках теребила платочек, редкий раз вскидывала голову и внимательно всматривалась в больных, которые заходили в отделение.

Иван чертыхнулся. Глазам не поверил. Головой мотнул и охнул, когда тягучая боль стала пульсировать внутри. Остановился. В голове мелькнуло, что не к нему пришла эта ехидна. А тогда кто же к нему пришёл? Иван оглянулся. Пожал плечами. Вытянул шею, пытаюсь рассмотреть, кто стоит на лестничной клетке, и снова пожал плечами. Там никого не было. Наверное, медсестра ошиблась. Не Воронина позвали, а Воронова, который лежал напротив в палате, и их частенько пугали: то в зал свиданий вызывали, то передачу заносили. Вздыхнув, он повернулся и потихонечку направился к себе, чтобы эта ехидна не увидела его, а то снова, как банный лист, пристанет. Не хватало, чтобы в больнице разругались. И вздрогнул, когда она окликнула.

Иван повернулся. Нахмурился и снова мотнул головой. Может, померещилось? Но эта ехидна, Мария, сидела и смотрела на него. Но самое странное, даже не странное, а тут не знаешь, как это назвать,—она смотрела на него и улыбалась не ехидно, как всегда бывало, а как-то виновато и даже ласково, что ли, как ему показалось. Ну да, конечно, после того, как лаялась с ним, любой её взгляд ласковым покажется, если улыбнётся. — Вань,—сказала Мария,—а я же к тебе пришла. Вот, проведать решила.

Сказала, снова взглянула на него, опустила голову и затеребила платочек.

— Зачем припёрлась?—сказал Иван и подозрительно взглянул на неё: что-то она ласково стелет, как бы спать жёстко не пришлось.—Я никого не жду. Иди отсюда. Прошу тебя, уйди по-хорошему, а то снова разлаемца. Ещё не хватало скандалить в больнице. Мне уже эта ругань вот здесь сидит.

Сказал и провёл ребром ладони по горлу. — Вань, не ругайся,—мирно сказала Мария.—Случайно узнала, что в больнице лежишь, и решила проведать. Дома как отшельник живёшь, шуток не понимаешь—ни поговорить, не посмеяться с тобой, сразу в кошки-дыбошки, а тут, кроме больных, и пообщаться не с кем. Вот я и...

Сказала и замолчала, взглянула на него и опустила голову.

И это было непривычно, как непривычно, что она не назвала его алкашонком, как частенько бывало, а по имени, да ещё ласково—это было не странно, а даже пугающе, что ли... Иван мотнул

головой и не удержался, охнул, схватившись за голову. Опять тягучая боль медленно запульсировала внутри.

— Голова болит? — участливо сказала Мария и хлопала по скамейке. — Присядь, отдохни немного. Глаза закрой и потри виски. Сейчас пройдёт боль. Я всегда делаю так, если мучают боли. Главное — не делай резких движений.

И опять Иван мотнул головой и скривился. Он всё ожидал, но не этого, что к нему припрётся ехидна — враг номер один, как называл её Иван. Она сидит и смотрит на него, да ещё советы даёт, а в её глазах не было видно привычного ехидного взгляда. Мария долгим взглядом смотрела на него, и тут показалось, что сейчас она поднимется и пожалеет его. И вот это было не только неприятно, но ещё почему-то настораживало.

— Зачем пришла? — опять сказал Иван, опираясь на клюшку. — Что ты хочешь от меня? Иди, иди отсюда...

С недоверием посмотрел на неё и махнул рукой. — Ваня, я же говорю, что к тебе пришла, — сказала Мария. — Сама пришла, первая, чтобы помириться с тобой. Хватит лаяться нам. Я устала от этого. Пришла, чтобы посидеть и поговорить по душам. Правду говорю. Не смеюсь. Знаю, что не веришь, что станешь гнать, но всё же собралась и пришла, потому что на себе испытала, что такое — это одиночество. Много лет никому не доверяла, никого в душу не пускала. И ругалась с тобой — на то были свои причины, — она вздохнула, помолчала и снова взглянула. — Мы похожи с тобой, как две капли воды. Ты уж извини меня, дуру этакую. Просто мельком услышала, что попал в больницу, и душа заболела. Не знаю, не могу объяснить, но вот тут всё сжалось, — и она ткнула в грудь. — Знакомая женщина сказала, что видела тебя, когда на машине увозили — худого, нескладного и с разбитой головой. У меня внутри всё сжалось, когда услышала. А сегодня поднялась и решила, что проведаю. Вот пирожочков напекла с луком и яйцом, с ливером, а ещё с повидлом. Чай попьёшь. Ну и так, по мелочи принесла — конфетки там, печенье... Авось пригодится. А не будешь, так соседям по палате раздашь. Угостишь их.

И приподнял пакет, который стоял возле неё. — Зачем притащила? — нахмурившись, сказал Иван. — Мне вполне хватает больничной еды, — и не удержался, съехидничал, не поверив её словам: — Твой пирожок съешь, а потом будешь всю ночь на горшке сидеть, или крысиного яду подсыпала. От тебя всё можно ожидать, потому что мужиков на дух не переносишь, а меня тем более. Ты же не баба, а ехидна настоящая...

— Дурак, — взвилась было Мария, но тут же осеклась и устало вздохнула. — Не ругайся, Вань. Просто я хорошо знаю, что такое одиночество. Уж сколько лет одна живу. Устала от этой жизни. Был

муж. Пылочки с него сдувала. Холила-леяла. Надышаться не могла. Ради него жила. И прожили-то всего ничего. С полгода прошло, как расписались. В реке утонул. Не нашли. Любила его. Сильно! С той поры зареклась, что ни одного мужика к себе не подпущу. И не подпускала, хотя многие ко мне сватались. Вся жизнь одна прожила. Ни мужа, ни детей, ни родни. Одна как перст. Ну а на тебя взелась потому, что ты похож на моего мужика. Худой, нескладный и прихрамывал — это у него с детства было. Идёт по улице, ногу подволакивает, а плечо вперёд, словно дорогу пробивает, фуражка на глазах, а сам улыбается. У него была широкая душа: добрый, ласковый и умел радоваться каждой мелочи, каждому пустячку. И его звали Ванечкой...

Она замолчала, задумалась — видать, прошлое вспоминала. Морщины на лбу узкие и глубокие. Долго молчала, потом на Ивана взглянула.

— Жизнь любил, а я не уберегла его. До сей поры себя виню, что разрешила испуститься в реке. Вот с той поры повадилась ходить к реке. Сяду на берегу, где он утонул, и разговариваю с ним. А вода журчит, что-то нашёптывает, словно он отвечает. А посмотрю на тебя, и будто сердце в кулак сжимает. На тебя похож был, как обличьем, так и характером. Поэтому гнала от себя. Боялась. Много лет боялась, а тут, когда узнала, что ты в больнице... — и снова замолчала, и опять посмотрела. — Но жизнь продолжается. Надо как-то жить, а как? Подскажи, Ванюш... И так всю жизнь одна была. Ладно, днём ещё с соседками поговору, над мужиками посмеюсь, а вечерами хоть в петлю головой, как ты выражаешься. Вот и мне хочется головой об стену от этой зелёной тоски. Сiju вечерами, а поговорить не с кем. И такая боль на душе, что словами не передать. Ты не ругайся, Ванечка. Сама не знаю, что это со мной...

Сказала и взглянула на него, а в глазах-то слёзы...

Иван растерялся. Не поверил словам, но глаза-то не врут! Ведь не зря же говорят, что глаза — это зеркало души. И эти слёзы... Хотя, как говорится, бабы слёзы — это лекарство от всех напастей. Поплакала, себя пожалела — и душа запела. Может, и сейчас так же? Он снова покосился на Марию, которая сидела, плечики поникли, и головы не поднимает. Может, задумалась, а может, над ним смеётся — ему же не видно. И никогда не знаешь, что ожидать от неё. Вот сейчас сидит, а голову поднимет и расхохочется. И вздрогнул, когда Мария подняла голову. Взглянула, а в глазах продолжали стоять слёзы. И это было непривычно и непонятно, но в то же время не могла же она обманывать, когда про своего мужа говорила? Впервые рассказала. Впервые душу приоткрыла. А как ему быть — он не знал...

Иван потоптался, продолжая молчать, и прислонился к стене. Молчала и Мария. Потом она поднялась. Протянула пакет.

— Возьми, Вань,— сказала она, посмотрела на него, и Ивану показалось, что взгляд не привычный—ехидный, а простой—бабий, которая всего-то и хочет от жизни, чтобы её пожалели и приласкали. Хочет всего лишь простого бабьего счастья, а больше ей ничего не нужно. Недолбила она в этой жизни, недоласкала, а всему виной—её прошлое, которым жила, которое стеной стояло перед ней, и, скорее всего, сейчас это прошлое дало трещину, пусть небольшую, но всё же.— Возьми, Ванечка...

И опять протянула пакет.

Иван нахмурился. Закряхтел. Мотнул головой. Охнул от тягучей боли. Опять взглянул на неё, и снова перед ним бабий ждущий взгляд. Сердце трепыхнулось, показалось, даже биться перестало, а потом заработало неровными толчками. И что-то сдвинулось в его душе, когда он взглянул ей в глаза. Всего лишь чуть-чуть, но всё же... И это было непривычно, но в то же время очень и очень дорого, хотя Иван старался не признаваться себе и гнал такие мысли, потому что давно списал себя, ни на что не надеясь, но сейчас...

— Ладно, Маш,— непривычно для себя он назвал её по имени, взял пакет, помедлил и снова повторил:— Ладно, Маш, иди домой. Уже поздно.

Темнеет. Завтра обещали меня выписать. Что говоришь? Встретить? Нет, не нужно. Сам доберусь. Потихонечку. Тут же недалеко. Вернусь, а потом поговорим. Обо всём будет разговор. О прошлой жизни поведаем, а может, про будущую поговорим, если получится, ну и про нас с тобой—тоже, как мне кажется. Думаю, разговор будет долгим. Нужно разобраться в себе и понять друг друга, если сможем, и что из этого получится—время покажет...

Сказал, протянул руку, хотел было дотронуться до её плеча, всего лишь чуть-чуть, едва касаясь, но не решился. Вздохнул и потихонечку направился в палату.

А Мария заторопилась. Завтра он вернётся домой, а потом... а потом, она очень надеялась, придёт время, пусть не сразу, но должно, даже обязательно должно прийти, и тогда смогут соединиться две половинки в одно целое и в дальнейшей жизни её будет ждать простое, но такое долгожданное и необъятное бабье счастье, когда радуешься каждой мелочи, любому пустячку или простой, но милой улыбке. Счастье, которое она слишком рано потеряла, не изведав сполна вкуса его, а больше ей ничего в этой жизни не нужно.